

ИСТОЧНИКИ О КАТОЛИКАХ В ОРДЕ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ¹

Ключевые слова: католицизм, миссионерство, Улус Джучи, францисканцы, доминиканцы, Газария

В последние годы в исторической науке обозначилось расширение религиозной проблематики в изучении истории и культуры Улуса Джучи. Тому причиной служат как усилия малых народов по поиску и/или укреплению собственной национальной идентичности, так и значительная степень проработанности тем социально-экономической истории (и, конкретно, ордынской) в работах советского времени. Немаловажное место в исследованиях религиозной составляющей Орды занимают вопросы католического компонента, его места и роли в жизни и политике этого государства. Соответственно, насущной необходимостью является отбор и классификация источников, лежащих в основе подобного исследования. Еще одним аспектом выбора темы явился тот факт, что подобные классификации проводились в обобщающих диссертациях начала XXI в. – работах А.Б. Малышева [7], Э.Т. Лазаровой [6], А.Г. Шереметьева [15]. С тех пор в науку были введены многие новые источники, и создание нового обобщающего труда вновь вышло на повестку дня. Рассмотрим конкретно те части работ названных авторов, которые касаются католической экспансии в *Rex Mongolica*.

В кандидатской диссертации А.Б. Малышева «Христианство в Золотой Орде» 2002 г. [7, с. 30–32] не проводилось полноценной классификации источников по типам и видам. Они лишь собраны в следующие тематические группы – европейские хроники, посольские отчеты (Асцелин, Плано Карпини, Рубрук), записки миссионеров (те же и Юлиан), переписка миссионеров с папами, переписка пап с ханами и ордынской аристократией, внутренние документы орденов, документы папской курии, касающиеся Руси. Особняком стоят два произведения, не отнесенных к той или иной группе – Книга Марко Поло и Кодекс Куманикус.

Э.Т. Лазарова при написании своей диссертации «Католичество на Северном Кавказе XIII – нач. XX века» в 2007 г. разделила источники на архивные материалы (делопроизводственную документацию и церковные документы), записки миссионеров (Юлиан, Рубрук) и опубликованные источники. Последние ею были поняты, видимо, не как «введенные в широкий научный оборот источники вообще», а как «изданные в массовых тиражах документы для широкого ознакомления». В их состав Э.Т. Лазарова включила материалы региональной и общегосударственной периодической печати, статистические документы и законодательные акты [6, с. 8–10]. Примечательно выделение записок миссионеров в отдельную категорию без обращения к другим письменным источникам эпохи.

В 2014 г. А.Г. Шереметьев защищает диссертацию «Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды» [15, с. 46–49]. Фактору христианства, даже не конкретно католичества, в работе уделено не так много внимания, и потому при обзоре источников христианские документы были им объединены в одну категорию в противовес мусульманским, китайским, монгольским и так далее. Первая подгруппа – отчеты католических миссионеров, торговцев и дипломатов (Юлиан, Плано Карпини, Поляк, Лонжюмо, Рубрук, Поло, Барбаро, Мариньолли); вторая – Кодекс Куманикус и переписка папской курии и золотоордынских правителей. В отдельную подгруппу выделены аналитические произведения средневековых западноевропейских авторов Роджера Бэкона

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)»

и Жана де Жуанвиля, однако они касаются не столько собственно католичества на Востоке, сколько восприятия на Западе традиционных верований монголов.

Таким образом, можно сделать вывод, что общим чертой всех трех работ является привлечение записок миссионеров и/или путешественников в качестве основного нарративного источника. А.Б. Малышев и Э.Т. Лазарова сходятся в опоре на актовый материал католических орденов в качестве документального источника, а А.Б. Малышев и А.Г. Шереметьев прибегают к исследованию дипломатической и делопроизводственной переписки, а также научной литературы (Кодекс Куманикус).

Примером документов, введенных в отечественный научный оборот в 2010-х гг., могут служить работы Р.В. Хауталы – статья 2014 г. «Два письма францисканцев из Крыма 1323 года...» [13] и сборник 2019 г. «В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341)» [12], наиболее ценной составляющей которого является публикация оригиналов и переводов актов Святого Престола. Доступ к десяткам актов и официальных писем, собранных в этих изданиях, стал для отечественного исследователя невероятно простым, при условии сложностей обращения к оригиналам и зарубежным изданиям (как, например, к труду Дж. Голубовича [17–21]). В сборнике 2019 г. в качестве образцов эпистолярных памятников внутренней политики могут служить письмо Раймунда Луллия и другие документы по идеологическому и методическому обеспечению будущей проповеди, а внешней политики – обмен сведениями и ультиматумами между папским и ханским дворами.

Примечательно, что никто из исследователей в своих работах практически не прибегал к археологическим материалам. Между тем, археологические свидетельства христианства и, конкретно, католицизма на территориях Орды обладают высокими точностью (понимаемой здесь как «специфичность») и достоверностью (усомниться в стратиграфических данных практически невозможно). Эти свидетельства концентрируются в трех основных регионах – в Крыму и Причерноморье (на территориях Газарии) [3], в Поволжье (например, в Укеке) [4; 5] и на Северном Кавказе (например, в Маджарах) [2].

Указанные соображения показывают, что комплексный подход к отбору источников для новой обобщающей работы по истории католицизма (или истории католиков..?) в Улусе Джучи, должен основываться на привлечении как письменных, так и археологических свидетельств. Письменные источники в подобной работе следует подразделить на документальные и нарративные. Наиболее значимым из документальных является актовый материал ханской администрации и миссионерских орденов. Он дополняется деловыми отчетами – посланиями первых путешественников (Юлиана [1, с. 80–85], Плано Карпини [8, с. 23–86; 16], Рубрука [8, с. 87–194]) и посланиями уже институционализированной миссии (францисканцев и доминиканцев) – например, теми, что были опубликованы Р.В. Хауталой. Адресатом всех этих документов был папский престол, который необходимо было обеспечивать сведениями сначала чисто информационного, военно-политического и этнографического характера, а потом – уже конкретными знаниями об особенностях внутривосточной жизни Улуса Джучи и шире – всего монгольского мира.

Нарративные источники представлены двумя группами – хроникальные и литературные. Хроники, западноевропейские в подавляющем большинстве, сохранили лишь оценочные свидетельства о монголах, являются описательными и сравнительно неточными источниками. Среди литературных произведений можно назвать Книгу Марко Поло и записки Перо Тафура [10], и, в определенной степени, записки католических миссионеров эпохи «после экспедиции Рубрука», отраженные в монографии (и публикации источников одновременно) Я.М. Света «После Марко Поло. Путешествия по странам Востока» [9, с. 5–128]. Отчетная, собственно документальная,

ценность этих произведений, на наш взгляд, ниже, чем у трудов первых миссионеров, бывших даже не столько миссионерами, сколько дипломатами (Рубрук) или разведчиками (Плано Карпини). Однако они, вместо того, способствуют оживлению сведений актового материала эмоциональной оценкой происходящих событий и особым углом зрения, соединяющим религиозно-мистическое сознание с высоким талантом наблюдателя и описателя.

К числу археологических свидетельств необходимо отнести предметы католического культа, культовые постройки и места погребений по католическому обряду. Естественно, что наибольшее количество подобных свидетельств находится на территориях Газарии, в золотоордынское время плотно населенной католиками, а наименьшее – на собственно монгольской (ордынской) территории в Поволжье. Северный Кавказ в данном вопросе занимает уникальную промежуточную позицию – как подвергшийся достаточно серьезной христианизации усилиями католических проповедников, но, вместе с тем, далекий от реальных центров латинской культуры на Востоке, каковыми были Каффа и Тана.

Подводя итоги работы, следует сказать, что за прошедшее десятилетие с защиты диссертации А.Г. Шереметьевым в научный оборот в принципе и конкретно в русскоязычный сегмент ордынских исследований введен значимый пласт новых источников. Он сконцентрирован вокруг, в первую очередь, актовых материалов и эпистолярных документов, масштабное исследование которых должно лечь в основу следующего обобщающего труда по истории религиозных отношений между католиками и ордынцами в Улусе Джучи. Новым словом в определении места и роли латинян в Орде должно стать широкое привлечение к подобному обобщающему труду археологических данных.

1. Аннинский, С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. – Л. : Изд-во АН СССР. – 1940. – № 3. – С. 71–112.
2. Бабенко, В. А. Христианское население города Маджара и его окрестности по данным археологических и письменных источников / В. А. Бабенко, М. Е. Колесникова, Х. Р. Степанян // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 904–918.
3. Еманов, А. Г. Образование городской коммуны Кафы, до сер. XV в. : дисс. ... док. истор. наук / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1996. – 344 с.
4. Кубанкин, Д. А. Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища / Д. А. Кубанкин // Генуэзская Газария и Золотая Орда: Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. – 2019. – Т. 2. – С. 443–462.
5. Кубанкин, Д. А. Христианский квартал золотоордынского города Укек по материалам раскопок 2010–2013 гг. / Д. А. Кубанкин // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : сб. науч. статей. – Казань, 2014. – Т. III. – С. 388–392.
6. Лазарова, Э. Т. Католичество на Северном Кавказе : дисс. ... канд. истор. наук / Э. Т. Лазарова. – Владикавказ, 2007. – 156 с.
7. Малышев, А. Б. Христианство в истории Золотой Орды : дисс. ... канд. истор. наук / А. Б. Малышев. – Саратов, 2000. – 281 с.
8. Шастина, Н. П. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Н. П. Шастина. – М.: Географгиз, 1957. – 270 с.
9. Свет, Я. М. После Марко Поло. (Путешествия по странам Востока) / Я. М. Свет. – М. : Наука, 1968. – 237 с.
10. Тафур, П. Странствия и путешествия / П. Тафур. – М. : Индрик, 2006. – 296 с.
11. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / И. Шильтбергер. – Баку, 1984. – 86 с.
12. Хаутала, Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». – Вып. 6 / общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 976 с.
13. Хаутала, Р. В. Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии / Р. В. Хаутала // Золотоордынская цивилизация. – 2014. – № 7. – С. 87–110.
14. Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах / Р. Хаутала. – Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. – 496 с.
15. Шереметьев, А. Г. Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды : дисс. ... канд. истор. наук / А. Г. Шереметьев. – Саратов, 2014. – 225 с.

16. Юрченко, А. Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / А. Г. Юрченко, С. В. Аксенова. – СПб. : Евразия, 2002. – 478 с.
17. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo I : Il secolo decimoterzo (1215–1300). – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1906. – 479 p.
18. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo II : Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1913. – 641 p.
19. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo III : Dal 1300 al 1332. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1919. – 496 p.
20. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo IV : Dal 1333 al 1345. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1923. – 503 p.
21. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo V : Dal 1346 al 1400. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1927. – 441 p.

Солодкин Я.Г.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДАТИРОВОК КОРОНАЦИИ «ОСВЯТОВАННОГО» ФЕДОРА ИВАНОВИЧА В НАРРАТИВНЫХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XVI–XVII ВВ.

Ключевые слова: царь Федор Иванович, его коронация, датировка этого события, разрядные записи, публицистические сочинения, общерусские официальные и частные летописи конца XVI–XVII вв., редакции Сибирского летописного свода.

Время венчания на царство «крестоносного» преемника Ивана Грозного неодинаково определяется и в нарративных (главным образом летописных), и в документальных источниках, что редко привлекало внимание исследователей.

В обнаруженном М.Н. Тихомировым кратком летописце начала XVII в., вышедшем скорее всего из стен Казанского приказа, коронация «смирением обложенного» государя отнесена к 17 мая 1584 г. [29, с. 230], в некоторых разрядных записях – к 6 и 7 числам того же месяца. В разрядной книге князей Барятинских говорится о «помазании» Федора Ивановича на престол в седьмую неделю «по пасце», о чем (или «после велика дни») упомянуто и в продолжении Александро-Невской летописи (далее – АНЛ), сложившемся, видимо, в окружении митрополита Дионисия, и в компиляции второй четверти XVII в., принятой В.И. Бугановым и В.И. Корецким за Московский летописец (далее – МЛ). В пространной статье АНЛ также уточняется, что самодержец, которого современники называли «светом праведным» [2, с. 11, 33], получил «скифетр царствия» 31 мая, в день своего рождения, «на память святаго апостола Еремия и святаго мученика Ерьмия» [21, с. 220; 22, с. 230]. Эта дата, причем нередко со ссылкой на день памяти Иеремии (Еремея), чаще всего встречается в источниках, возникших как в столице, так и вне ее [11, с. 228; 12, с. 208; 13, с. 49, 76 – 77, ср. с. 81, 84, 89; 23, с. 189, примеч. 31–33; 24, с. 5; 27, с. 139, 159–160, примеч. 105; 28, с. 41, 49, 51, 53, и др.]. Вероятно, соответствующее хронологическое определение включали и грамоты, разосланные из Москвы по провинциальным городам вслед за тем, как Федор Иванович «сел» на трон, точнее, «совершенно одеся преславнаго царствия превсесветлаго благолепия порфирию» [ср. 2, с. 56–57; 6, с. 58, 80]. В МЛ о коронации «царским венцем и диадимою» прославившего земным ангелом государя (его жена Ирина считалась «равноангельной» из-за своего «жития», ср.: [1, с. 287]), часто рассказывается более обстоятельно, чем в АНЛ, но, вопреки мнению Р.Г. Скрынникова, ее дату по светскому календарю автор нарративного источника, воспроизведенного компилятором, не привел.

В опубликованном В.И. Корецким Соловецком летописце одной из ранних редакций мы читаем о том, что «святожительный» Федор занимал трон в течение 13 лет 7 месяцев 6 дней, до смерти 6 января 1598 г. [14, с. 242, ср. с. 240], т.е., получается,